

Пупынин Дмитрий Сергеевич

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Причины «пробуксовки» реформы уголовно-исполнительной системы в России

Аннотация. Программа по модернизации системы исправительных учреждений, запущенная в 2009 году, не достигла результатов. Тюрьмы и колонии не перестроены, ФСИН понесла серьезные кадровые потери. В таких неблагоприятных условиях в 2021 году Правительство России преступило к реализации новой Концепции реформирования УИС до 2030 года.

Ключевые слова: тюремная реформа, осужденный, права человека, отбывание наказания, уголовно-исполнительная система.

Ни для кого не является тайной, что в глазах мирового сообщества уголовно-исполнительная система России давно не считается образцовой. Попытки подвести ее под мировые стандарты предпринимались неоднократно, но каждый раз терпели фиаско. Отдельные правозащитники считают действующую систему, сохранившуюся со времен Советского Союза, «наследием ГУЛАГа», мотивируя это использованием труда заключенных, как правило, на государственных стройках. В Германии, Франции, странах Скандинавии (а скандинавская пенитенциарная система считается лучшей в мире) ведомство, которое отвечает в государстве за ограничение свободы и отчасти перевоспитание осужденных, – гражданское. Да, форма есть, как есть она у почтальонов. Оружия нет. Если случаются силовые конфликты (а они случаются, хотя и редко), то сотрудники тюрьмы вызывают полицию или спецназ [2, с. 10].

Правозащитники в России предлагают передать функции охраны и контроля Росгвардии. А полномочия ФСИН как субъекта оперативно-розыскной деятельности предложено передать в МВД. Функции перевоспитания и реабилитации предлагается передать в Минтруд.

2009 год стал отправным для разработки проекта концепции реформирования уголовно-исполнительной системы до 2020 года. И Концепция эта первоначально была совершенно иной. Разработкой проекта занимался НИИ ФСИН России, в течение трех-четырёх месяцев на базе этого учреждения проводились серьезные исследования, показавшие, что предлагаемая концепция противоречит европейским стандартам, и в корне не учитывает наши отечественные реалии, как результат в первоначальном виде концепция так и не была принята. Утвержден был совершенно другой проект.

Проект реформы делил заведения, где осужденные отбывают наказание. Те, кто совершил менее опасные преступления, должны отбывать срок в колониях-поселениях с мягким режимом. Особо опасные преступники, в свою очередь, должны были получить жесткий режим и нахождение в тюрьме на протяжении всего срока заключения.

На сегодняшний день такого разделения не существует, в тюрьмах находятся, как правило, лица в период предварительного заключения, то есть во время следствия. Также, согласно Уголовному кодексу, за совершение ряда преступлений часть наказания по приговору суда преступник может провести в тюрьме, после чего все равно попадает в колонию.

Существующие на сегодняшний день рабочие отряды, в которых, по типу военных казарм, проживает несколько десятков заключенных, планировалось заменить на жилые сектора – комнаты, где будет проживать не более восьми осужденных.

Предполагалось, что будет построено 721 учреждение нового типа: 58 тюрем особого режима, 180 – усиленного, 210 – общего режима для мужчин и 55 – для женщин. На проведение изменений из госбюджета должно было быть выделено 1,8 триллиона рублей [2, с. 8].

Говоря о грядущих переменях, действующий на тот период глава ФСИН подчеркивал, что цель будущей реформы не что иное, как «скорейшее возвращение заключенных в общественную жизнь». Все гораздо проще, с каждым годом содержание исправительной системы обходится казне все дороже, ну а в сложившейся ситуации с пандемией, пожалуй, настало время начать экономить и здесь. Так что, скорее всего именно финансовая составляющая и стала определяющей. Хотя и далеко не единственной.

Мировое сообщество не раз указывало российскому руководству на то, что-де заключенные, находящиеся в местах принудительного содержания, постоянно жалуются на переполненность СИЗО и колоний, необходимость ремонтных работ, которые проводятся крайне редко и несвоевременно, а также на сложность получения медицинского обслуживания и недостаток рабочих мест. Также заключенные жалуются и на низкое информационное обеспечение и даже на то, что их одежда не всегда соответствует климатическим условиям. Жалоб много, а удовлетворить их нет никакой возможности. После смены руководства ФСИН в ведомстве приблизительно посчитали, во что может обойтись удовлетворение всех жалоб, а также подсчитали примерную стоимость ремонтных работ. Получилась астрономическая сумма в десятки миллиардов рублей.

Затратность мероприятий, обеспечивающих процесс реформирования тюремной системы, стала во главу угла. У ФСИН нет денег на продолжение реформы. Только на первоочередные нужды ей срочно требуется 12,5 млрд. рублей. Всего же на постройку новых тюрем и перепрофилирование колоний необходимо 1,8 трлн. рублей. Таких средств в государственном бюджете нет.

Все эти проблемы были описаны в докладной записке, подготовленной для директора ведомства. В документе говорится, что реформу проводить фактически не на что, а на первоочередные нужны необходимо 12,5 млрд. рублей, которые также не заложены в бюджете. Эти деньги, по мнению руководства ФСИН нужны для перепрофилирования и частичного

строительства новых тюрем для пожизненно заключенных и воспитательных центров для несовершеннолетних.

Продвижению реформы ФСИН мешает еще одно обстоятельство. В России до сих пор не разработаны нормативно-правовые акты, необходимые для реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ. И вот в таких сложных условиях Распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р была утверждена новая концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ уже на период до 2030 года.

Почему, несмотря на нехватку средств, Правительство России не отказывается от реформирования ФСИН? Да потому, что такая реформа необходима российскому обществу, а на ее проведении настаивают как международные организации, так и отечественные правозащитники. По мнению последних, следует увеличить число колоний-поселений и исправительных центров. В них осужденные имеют больше свободы. Это означает, что на их содержание тратится меньше бюджетных средств, а по освобождению не требуется длительный период социальной реабилитации.

Реформа обернулась для ФСИН и кадровыми проблемами. По приблизительным подсчетам свыше 50 тысяч сотрудников были уволены. На их место приходят люди без опыта, что сказывается на выполнении профессиональных задач.

В России самое высокое в Европе число заключенных на душу населения (375 на 100 тыс. при среднем уровне 102 на 100 тыс.). Российские осужденные чаще европейских приговариваются к реальному лишению свободы. Также они чаще европейских отбывают длительные сроки (свыше трех лет) – 76% против 60%, притом что «длительная изоляция осужденных от общества не вносит существенного вклада в профилактику последующих преступлений» [1]. Сроки изоляции от трех лет и выше приводят к дезадаптации человека в обществе и увеличивают риск рецидива.

Среди проблем российской уголовной политики выделяется гиперкриминализация экономической активности: «действия, которые можно

считать частью обычного хозяйственного оборота или результатом незначительных ошибок в экономической деятельности, могут быть квалифицированы и квалифицируются как преступления» [1].

Такая ситуация парадоксальным образом стимулирует предпринимателей уходить в серый сектор экономики, поскольку риски при легальной и теневой деятельности сопоставимы.

Другая проблема – избыточное преследование наркопотребителей. С запрещенными веществами связана самая массовая категория уголовных дел; 28% заключенных отбывают наказание именно по наркотическим делам, и большинство из них – по составам, не связанным со сбытом или изготовлением наркотиков, за объемы, не предполагающие широкой торговли. Среди правовых норм, создающих практику преследования наркопотребителей, эксперты особо выделяют приравнивание всей массы изъятой смеси к массе чистого вещества.

Приоритетами военизированной ФСИН являются контроль и изоляция осужденных, что мешает их ресоциализации. У заключенных редко есть возможность работать и почти никогда нет возможности учиться во время отбывания наказания.

В этой связи к 2024 году из 900 учреждений уголовно-исполнительной системы ФСИН предполагается ликвидировать 88, построенных в середине прошлого века, поскольку они не соответствуют современным требованиям.

При этом уже с 2010 по 2020 год были ликвидированы 152 учреждения уголовно-исполнительной системы.

Аналогичную реформу проводит и Китай [3]. В частности, в КНР предполагается ликвидировать систему «исправления через труд». Это делается в рамках защиты прав человека. В порядке реализации этой программы будут ликвидированы лагеря трудового перевоспитания, являющиеся частью пенитенциарной системы страны. Кроме того, предлагается изменить подходы к исправлению осужденных. В данном случае перспективным направлением

признается система исправления по месту жительства, которая призвана обеспечить полноценное возвращение в общество лиц, отбывших наказание.

Назрели перемены и в российской уголовно-исполнительной системе. На протяжении последних 70 лет, несмотря на изменения пенитенциарного законодательства, не меняются принципиальные подходы к порядку содержания осужденных. Он остается неизменным – барачным. А из всех видов наказаний до настоящего времени преобладает лишение свободы. Именно оно и привело к тому, что исправительные учреждения сегодня нуждаются в конкретных изменениях. И в этой части «Концепция 2030» является актуальной и должна быть реализована, несмотря на финансовые сложности.

Литература

1. Дворянсков И.В., Злотников С.А. Некоторые проблемы совершенствования исполнения наказания в виде лишения свободы в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 2 (38).
2. Назаров С.В. Тюремная реформа: основные направления // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1 (58).
3. Ходжалиев С.А. Некоторые особенности применения наказания в виде ограничения свободы за рубежом // Молодой ученый. 2016. № 9 (113).